
РАКУРС: ПРОТЕСТНАЯ АКТИВНОСТЬ

А.Р. ШИШКИНА

**«АРАБСКАЯ ВЕСНА»: СЦЕНАРИИ,
ОСНОВНЫЕ АКТОРЫ, ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ***

О феномене «арабской весны»

2011 год вошел в историю как череда протестов и кризиса политических режимов в арабском мире. Эти события получили журнальное название «арабская весна», которое, видимо, является аллюзией к так называемой «Весне народов» – революциям 1848–1849 гг. в европейских странах и к Пражской весне 1968 г.¹ В научной литературе антиправительственные выступления в арабских странах рассматриваются как волна революций [Системный мониторинг глобальных и региональных рисков, 2012], демократизации [Труевцев, 2011] или социально-политических потрясений. Одним из наиболее удачных, на наш взгляд, стало определение А.А. Давыдова: «Арабская весна представляет собой системное социальное явление, обусловленное множеством взаимосвязанных глобальных, региональных и национальных факторов – как объективных (социально-демографических, экономических, политических, технологических, социокультурных и т.д.), так и субъективных (уровень притязаний, реализация потребности в политической свободе, самореализация, неудовлетворенность авторитарным политиче-

* Исследование выполнено в рамках программы Фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 г.

¹ Позднее появились понятия «Исламская весна» и «Исламская зима».

ским режимом, готовность к массовым акциям протеста, делегитимизация власти и т.д.)» [Давыдов, 2012, с. 175–176].

Наиболее релевантной характеристикой волны антирежимных выступлений, охватившей арабский мир в 2011–2012 гг., нам представляется так называемая *фитна*, что означает «очаровывать», «соблазнять».

Понятие *фитны* в религиозных источниках и научной литературе принято соотносить с довольно широким спектром значений – от политических волнений, состояния гражданской войны или противостояния между секуляризированной властью и религиозным меньшинством [См.: Wansbrough, 1978, p. 139–140] до дестабилизации общества вследствие присутствия в нем женщин, в высокой степени подверженных влиянию западным ценностям и обычаям [Fisher, 1994]. Это состояние смуты, ожидания перемен к лучшему и прекращения монотонного «вегетативного» существования, восстания, мятежа, т.е. стихийных действий, влекущих за собой тяжелые последствия, прежде всего в сфере социального и политического развития общества.

В любом случае, *фитна* воспринимается как негативное явление, способное вызвать раскол и разногласия в обществе. На наш взгляд, на современном этапе это понятие можно рассматривать применительно к новому типу социального взаимодействия, процессы формирования и основные черты которого будут рассмотрены ниже.

В экспертной среде развернулась обширная дискуссия относительно причин, приведших к «арабской весне», а также факторов синхронизации революционных процессов в разных странах региона. Прежде всего, стоит отметить, что такие показатели, как бедность, уровень коррупции или темпы экономического роста, трудно рассматривать в качестве основных причин революций в арабском мире: уровень бедности здесь не превышает 20%, наибольшей дестабилизации подверглись страны с высокими темпами экономического роста, а другие страны, с высоким уровнем коррупции, отличались политической стабильностью [см.: Системный мониторинг, 2012]. По-видимому, дело в другом.

В каждой из стран, охваченных волной социально-политической дестабилизации, в предшествовавший кризису период сформировался комплекс проблем и противоречий. Говоря о внутренних причинах, приведших к политическому кризису в арабских

странах, которые частично были отражены в требованиях демонстрантов, можно выделить три основных блока – экономический, социальный и политический [см.: Вагг, 2011].

К первому блоку можно отнести последствия мирового экономического кризиса, которые значительно усугубили ситуацию, коррупционность государственных структур и пр. Что касается блока социальных предпосылок кризиса, то в этом случае мы можем говорить прежде всего о демографических факторах и растущем недовольстве среди представителей различных этноконфессиональных групп населения. Следует отметить, что социальная динамика верхнего эшелона развивающихся стран отличается одной особенностью – так называемой «ловушкой на самом выходе из ловушки», которая существенным образом влияет на социально-политические процессы¹. Это характерно для стран, завершающих выход из «мальтузианской ловушки» при достижении пика численности молодежи 20–24 лет (феномен «молодежного бугра»²) и высокой степени ее концентрации в крупных городах. Важную роль при этом играет безработица, в особенности среди высокообразованной молодежи – т.е. нехватка высокооплачиваемых рабочих мест, приемлемых для молодых людей с высшим образованием: «Молодежь наиболее склонна к радикализму; она часто испытывает трудности с трудоустройством, к тому же заметная ее часть в ходе модернизации оседает в крупнейших городах, создавая угрозу центральной власти» [Системный мониторинг..., 2012, с. 37; Шишкина, Исаев, 2014].

Особого внимания заслуживает блок политических предпосылок кризиса, к которому могут быть отнесены внутриэлитные конфликты, долгое пребывание у власти одного и того же правителя или династии, ущемления прав человека, в особенности прав

¹ Речь идет о «мальтузианской ловушке» (Malthusian trap), характерной для доиндустриальных обществ, где рост населения в конечном счете обгоняет рост производства средств к существованию, и в долгосрочной перспективе не происходит роста производства на душу населения или улучшения условий существования подавляющего большинства населения, остающегося на уровне, близком к голодному выживанию.

² На второй фазе демографического перехода происходит сильное уменьшение рождаемости, в тенденции ведущее к сокращению доли молодежи в общей численности населения, однако со значительным запаздыванием, в результате чего в демографической динамике образуется «молодежный бугор» [см.: Ловушка на выходе из ловушки, 2011, с. 138–164].

меньшинств, провал конституционных реформ, а также такие характеристики, как переходный тип политических режимов [Goldstone, 1991; Goldstone, 2002], оказавшихся по этой причине наиболее уязвимыми, неэффективность инструментов передачи власти в авторитарных режимах арабских стран и др.

Черода социально-политических потрясений, охватившая арабский мир в 2011–2012 гг. и повлиявшая на последующее распространение протестной активности в других регионах мира (можно сказать, что эти события трансформировали устоявшуюся картину мира и повлияли на основные тенденции политического развития некоторых регионов мира), по сей день остается предметом научных дискуссий. Определение причин, движущих сил и факторов социально-политической дестабилизации в рамках событий так называемой «арабской весны» представляется важным с исследовательской точки зрения, поскольку позволяет лучше понять природу социально-политических изменений последнего времени не только в арабских странах, но также и в других регионах мира с аналогичными уровнями развития и со схожим типами конфликтогенности – к примеру, в регионе Центральной Азии и др.

Сценарии протестного действия

Е.И. Зеленев так описывает развитие смуты: «Сценарий подготовки и проведения смуты обычно осуществляется по устоявшимся схемам. Обычно вначале имеет место локальный конфликт... который участники смуты воспринимают как первопричину выступлений, при этом истинные организаторы тщательно маскируют свои подлинные цели. Толпы концентрируются в местах естественного скопления людей. Оттуда участники выплескиваются на улицы и площади и, разбившись на группы, движутся... к конечным целям движения либо концентрируются в одном месте» [Зеленев, 2012, с. 57–62].

Сценарии распространения протестных действий в ходе событий «арабской весны» в тех странах, которые были максимально затронуты волной социально-политической дестабилизации, могут быть условно разделены на несколько стадий [см.: Howard, Hussain, 2011]. Среди них можно выделить следующие: подготовительный этап, в рамках которого происходили консолидация народного недовольства и определение места и времени проведения

последующих акций; вторая фаза протестных действий включала в себя некое событие, ставшее спусковым крючком начала массовых выступлений, – как правило, для «арабской весны» такого рода триггерами становились акты самосожжения, и, как правило, подобные происшествия не получали широкого освещения в государственных СМИ, что значительно усиливало недовольство протестующих. Последующими фазами выступлений становились непосредственно акции протеста, повлекшие за собой международную реакцию: в силу весьма быстрого распространения информации внимание международных организаций и зарубежных новостных агентств скоро было приковано к событиям в арабском мире. Не заставила себя ждать и развязка событий: режимы, пытаясь маневрировать между попытками подавления протестов и уступками демонстрантам, либо терпели крах, либо оказывались в состоянии затяжного кризиса. В некоторых случаях имела место еще одна фаза, выражавшаяся в последующем информационном противостоянии между различными политическими игроками за право контроля над ситуацией.

Можно усмотреть характерную примету «арабской весны» в инициативных протестных действиях образованной молодежи, неудовлетворенной своим социальным положением. В пострадавших от волны социально-политической дестабилизации странах наблюдались уже упомянутые выше «молодежные бугры». Обладая компьютерной грамотностью и достаточным уровнем знания иностранных языков, эта сила оказалась в состоянии полностью переформатировать политическую обстановку не только в конкретных странах, но и в регионе в целом. Кроме того, некоторые социокультурные особенности арабского мира (в частности, довольно низкий уровень доверия к власти) стали серьезным препятствием для установления продуктивного диалога между властью и обществом, в отличие, скажем, от европейских стран или США.

Социальные сети и протестная мобилизация

Рассмотрим теперь внимательнее процессы формирования протестной активности и ее последующие вариации. Так, у нас есть некоторые основания полагать, что в современном мире подготовительная стадия акций протеста напрямую связана с виртуальным пространством, которое пусть и не может рассматриваться

в качестве первопричины возникновения революционной ситуации тем не менее обладает определенными характеристиками, отличающими его от прежних форматов социального взаимодействия.

Наиболее яркой иллюстрацией подобных утверждений могут служить протестные движения, организационная и подготовительная фазы которых осуществлялись в пространстве социальных сетей. Так, волна антирежимных выступлений 2011–2012 гг. в арабском мире, движение «Occupy Wall Street», а также протесты в некоторых европейских странах (участники которых, к слову, открыто выражали благодарность арабским активистам за идеологическое «вдохновение» к подобным действиям) подготавливались фактически в условиях отсутствия *узнаваемых* лидеров. «Не было ни харизматических идеологов, ни представителей профсоюзов, ни религиозных ораторов (либо они присутствовали лишь в самом начале)» [Howard, Hussain, 2011, p. 42].

Отметим и такую характеристику этого вида коммуникации, как своеобразная идеологическая непроработанность: изначально у протестующих не было сформировано четкой цели свергнуть действующий режим, они объединялись лишь стремлением выразить общее недовольство сложившейся в стране ситуацией.

В этом плане представляет интерес книга сотрудника корпорации «Google» на Ближнем Востоке, одного из наиболее активных участников революционных действий в египетской столице В. Гонима «Революция 2.0». В рамках подготовки к выступлениям автор предлагает ориентироваться на распространение идей, а не образов героев, которые зависят от изменчивого общественного мнения [Ghonim, 2012]. Стоит заметить, что мобилизационная активность участников «арабской весны» все же в значительной степени строилась на трансляции образов революционеров-активистов либо жертв «кровавого режима», однако подобные лидеры едва ли могут быть поставлены в один ряд с такими иконическими фигурами восстаний других стран и эпох, как, например, Ленин, Че Гевара, Фидель Кастро, Чан Кайши, и многими другими.

Указанная выше книга является, по сути, практическим руководством для протестующих по преодолению репрессивных механизмов государства, а также формулирует общие принципы построения демократии с использованием новейших средств массовой информации и коммуникации. Среди прочего выделим следующее: Интернет выступает в качестве основной движущей

силы перемен, становясь площадкой для общения и координации действий, формирования сообществ единомышленников и генерации протестных лозунгов и требований и т.д. Резюмируя размышления о такого рода «маркетинге революции», Гоним приходит к выводу, что многие люди, в норме не стремящиеся подвергаться риску, проявляют повышенную политическую активность, когда объединяются вместе, и важная роль в этом процессе отводится именно социальным медиа.

«Революция 2.0», очевидно, стала логическим продолжением, с ориентацией на опыт североафриканских стран, концепции, изложенной в известной книге Дж. Шарпа [Sharp, 2010], содержащей приложение-список 198 методов ненасильственных действий, который автор перепечатал из своего исследования 1973 г. «Политика ненасильственного действия», где понятие «Интернет» по очевидным причинам вообще не упоминается.

Использование новейших средств массовой информации и коммуникации в контексте протестной активности способно также снизить расходы на координацию действий и расширить мобилизационные возможности. К примеру, подготовка протестов в прошлом неизменно сопровождалась серьезными организационными затратами, связанными в том числе с координацией действий, распространением информации, а также с вопросами логистики. Напротив, мобилизация в наши дни происходит, как правило, в виртуальном пространстве, где и осуществляются перечисленные действия. Важной чертой такого рода мобилизации является возможность сгладить острые вопросы представительства протестующих, которые зачастую оказываются укорененными в социокультурных и политических традициях той или иной страны [см.: Tufekci, б. г.]: социальные медиа открывают возможности для ad hoc мобилизации, что позволяет избежать неоднозначности восприятия фигуры лидера или институциональных образований.

Формы, организация и задачи общественных движений зависят от их исторического контекста. Так, к примеру, развитие буржуазной публичной сферы, опиравшейся на книги, брошюры и т.д., обусловило подъем буржуазных революций. В правозащитных движениях 60-х годов прошлого века активно использовались мобилизационные ресурсы телевидения. А протестные движения последних лет наглядно демонстрируют роль виртуальных технологий в координации действий, подготовке и проведении акций

протеста. Подъем сегодняшних крупномасштабных социальных движений укоренен в процессах постепенного расширения гражданской активности, которые в последние столетия переплетались с новыми технологиями связи и распространения информации.

Американские социологи Л. Лангман и Д. Моррис в связи с этим предлагают переосмыслить теорию социальных движений с учетом распространения логики сетевых сообществ. Они отмечают, что сопротивление различным формам господства, равно как и артикуляция новых форм субъективности, могут быть сформулированы при помощи Интернета, что становится основанием для возникновения новых форм социальных движений. Кроме того, авторы выделяют три уровня социальных движений:

– первый из них, макроуровень, помогает понять роль информационных технологий в формировании виртуальных «публичных сфер» в цифровую эпоху, а также в складывании новых структур, идеологий и форм идентичности;

– второй, мезоуровень, связан с логикой сетевых социальных движений, формированием коллективных форм идентичности, содержанием и разработкой стратегий демократических изменений;

– третий, микроуровень, включает в себя более широкий контекст – а именно, конкретные тактики действий, мобилизации, формы проявления политической активности отдельными участниками движений и т.п. [Langman, Morris, 2002].

Очевидно, что активное внедрение новых и новейших коммуникационных технологий во все сферы жизни общества, в том числе в политическую, оказывает существенное влияние на формы восприятия медиа, структуру коммуникации, а также формы и организацию выражения протестной активности. Однако не стоит переоценивать роли средств массовой информации и коммуникации: технологии как таковые не способны стать причиной или даже катализатором начала политического кризиса, если отсутствует ряд других причин для нарастания недовольства. Во всех арабских странах в период, предшествовавший волне антирежимных выступлений, проводилась весьма серьезная политика мониторинга СМИ и выявления потенциальных рисков для политической системы. Основное внимание уделялось традиционным СМИ – печатным изданиям, радио, телевидению и пр. Социальные медиа также по мере своего распространения попадали под наблюдение, однако их потенциал оказался явно недооцененным.

Динамика протестной активности

Оппозиционное движение в арабских странах к моменту начала антирежимных выступлений было весьма разрозненным как по этноконфессиональным характеристикам, так и по спектру политических взглядов. Заметную роль здесь сыграли и традиционно арабские практики в частности использование пятничных молитвенных дней для проведения демонстраций. (Заметим, что подобный формат организации протестной активности успешно копировался соседними странами, как, например, в случае с Египтом и Тунисом).

На начальном этапе народное недовольство в основном было объединено лозунгами решения насущных проблем – бедность, коррупция, цензура и т.п.

Важную роль в событиях «арабской весны» играли акты самосожжения, которые фактически становились спусковыми крючками начала массовых антиправительственных выступлений. Подобные инциденты, имевшие место в Тунисе, Египте, Йемене и других странах, затронутых описываемыми событиями (к примеру, 24 декабря 2010 г. 26-летний Мухаммед Буазизи, выпускник Тунисского университета, вынужденный заниматься продажей овощей на рынке, поджег себя на площади перед мэрией города Сиди Бузид; 17 января 2011 г. владелец небольшого ресторана Абдель Муним Камаль сжег себя перед зданием Народной ассамблеи в Каире), спровоцировали всплеск протестной активности. В социальных сетях стали появляться специальные страницы и группы с призывами отомстить за соотечественников, которые были доведены до отчаяния неправомерными действиями тиранических режимов, насквозь пропитанных коррупцией. Там же назначались и даты проведения акций протеста, выбиралась соответствующая символика, а также формировались первоначальные цели протестных движений. Кроме того, происходил обмен опытом с молодыми активистами из других стран и осуществлялось распространение информации о готовящихся акциях среди тунисцев, египтян и др., а также среди их соотечественников, живущих за рубежом (в особенности это касалось ливийцев) [Шишкина, Исаев, 2014].

Примечательно, что на первом этапе формирования протестного движения отсутствовал образ общего, единого врага, способного консолидировать протестное движение для дальнейших действий.

Соответственно, стихийно возникавшая волна акций протеста так же спонтанно начинала спадать. Дальнейшее развитие ситуации, усиление процессов дестабилизации целиком и полностью зависели от действий властей: после массовых отключений средств коммуникации и довольно жестких попыток разгона демонстрантов у последних вполне естественно возник образ врага в виде действующего режима и стали формироваться четкие политические цели, сводившиеся теперь уже исключительно к свержению власти. Это наглядно демонстрировали и лозунги протестующих, одним из главных среди которых стал «Ирхаль», означающий «Уходи».

Власть, пролив первую кровь и стремясь искоренить уличные протесты, фактически объявила демонстрантам войну, не оставляя им возможности вернуться на первоначальные позиции из-за страха возможных репрессий и наказаний и вынуждая их объединяться под лозунгами устранения действующей власти. Вполне понятно, что такого рода мобилизационные механизмы оказались гораздо мощнее, нежели те, которые использовались на подготовительных фазах восстания, что и стало залогом кардинальной смены политической обстановки в некоторых странах. Более того, они оказались и значительно более стойкими. Так, имидж власти как репрессивного механизма эффективно подогревал народное недовольство и в тех случаях, когда численность протестующих начинала падать. В ходе «арабской весны» в качестве провокационных действий самой же оппозицией неоднократно использовались снайперы, стрелявшие в демонстрантов, и записи убийств затем активно распространялись [см. например: Исаев, Шишкина, 2014]. Подобные инциденты также выступали в качестве «первой крови» каждого последующего этапа наступления, способной обострить народное недовольство и ускорить распространение протестных акций. Расчет в данном случае делался на то, что подобные действия в сознании людей могут ассоциироваться исключительно с попытками силового подавления протеста со стороны властей.

Исследования некоторых российских и зарубежных ученых [см. например: Системный мониторинг глобальных и региональных рисков, 2012; Howard, Parks, 2012] показали, что социально-экономические факторы сами по себе в случае «арабской весны» не могли стать первопричиной и даже катализатором начала протестных действий. Более того, самые тяжелые их последствия наблюдались как раз в наиболее динамично развивающихся странах

Ближнего Востока и Северной Африки – Тунисе, Египте, Ливии и т.д. Это дает нам основания полагать, что фоном, условиями и непосредственными причинами возникновения ситуации социально-политической дестабилизации были различные комбинации факторов. Они варьировались в зависимости от специфики каждой страны, однако «спусковые крючки», катализаторы начала массовых выступлений были связаны в большей степени с культурными, религиозными, этническими, коммуникативными и возрастными характеристиками общества в рассматриваемых государствах. Некоторые исследователи в качестве дестабилизирующих факторов рассматривают и такие, как присутствие в обществе определенной доли неженатых мужчин (свободных от необходимости беспокоиться о своей семье и, таким образом, более склонных к радикализму и вовлечению в протестные действия), а также феномен кросскузенных браков (между детьми брата и сестры), определенным образом связанный с исламом [см.: Коротаев, Исаев, 2014].

Череда антиправительственных выступлений, начавшаяся в 2011 г. в Тунисе, а затем и в других арабских странах, практически сразу была окрещена как «твиттерные революции». Такого рода маркер можно рассматривать как ориенталистский, в том смысле, в котором об этом писал Э. Саид в своей широко известной работе «Ориентализм» [Said, 1994] – т.е. контрастная репрезентация образа Востока по сравнению с Западом, в некоторой степени даже уничижительное по отношению к собственно восточным характеристикам развития общества и государства. В данном случае – посредством указания на главенствующую роль изначально западных технологий в протестной активности, нежели самих тунисцев или египтян. Как показывают наши исследования, такого рода западоцентристское восприятие оказалось ошибочным, оно не оказало заметного влияния на отношение молодых активистов к современным информационным технологиям, а скорее даже сыграло позитивную роль, принимая во внимание стремление оппозиционно настроенной молодежи приблизиться к демократическому устройству государств западного образца.

Разумеется, существование различий в развитии гражданского общества в западных странах и на Ближнем Востоке представляется неоспоримым фактом. Многие мыслители и ученые (от М. Лютера, Ж.-Ж. Руссо и И. Канта до Ф. Хайека и Р. Инглхарта) подчеркивали, что одной из основных характеристик западного общества яв-

ляется индивидуализм, где на первый план выходит приоритет личностных интересов и целей, высоко ценится активная гражданская позиция. В арабском мире, напротив, в качестве основополагающей ценности выступает «родовое» мышление, «...статус режима считается более важным, нежели обеспечение прав и свобод личности или развитие частных инициатив» [Samad, 2007, p. 5].

В связи с этим можно предположить, что в настоящее время происходит формирование новой формы социальности и групповой идентичности.

Механизмы протестной активности, появившиеся и апробированные в ходе событий «арабской весны», успешно реализовались, например, на киевском Майдане в 2013–2014 гг.: стихийная массовая мобилизация на фоне отсутствия четких политических целей и разрозненности пристрастий, постепенно обретающая тенденцию к спаду, в конечном счете заканчивается полным реформатированием политической ситуации в стране после активных действий правительства, направленных на разгон толпы.

Можно утверждать, что основной фокус политического взаимодействия в протестных движениях нового типа – сначала в арабских странах, а затем в США и некоторых странах Европы, на Украине – в конечном счете приходился на реакцию масс, чем на те или иные действия властей. Активное вовлечение масс в политический процесс происходило путем консолидации протестной активности и формирования объединений с целью реализации тех или иных действий. Реакции правительств в большинстве случаев лишь усугубляли ситуацию, провоцируя волну протеста, направленную на свержение режима.

У нас есть основания полагать, что протесты «арабской весны» можно рассматривать как автономную форму политической активности, с высокой степенью вовлеченности. Для арабских стран, где наиболее распространенным видом политического участия является мобилизованное, основанное на силе традиции и авторитете власти, административном принуждении и т.д., такого рода ситуация во многом уникальна. Это предполагает участие в деятельности общественных движений, групп интересов и т.д., а также самостоятельный выбор гражданами форм защиты своих интересов. Высокая степень вовлеченности в данном случае означает, что активность граждан находит свое выражение в составе различных общественных движений, групп интересов и пр.: в ча-

стности, сюда можно отнести формирование группы и сообщества в виртуальном пространстве, организацию митингов, демонстраций и т.п.

Еще в начале XX в. в западной литературе стала активно обсуждаться проблема формирования «массового человека». Х. Ортега-и-Гассет писал в своей знаменитой работе «Восстание масс» о том, что массы, перестав подчиняться меньшинству, стали стремиться к утверждению ценностей большинства, нередко вопреки здравому смыслу. Для человека массы крайне важно ощущение идентичности с себе подобными, а его поведение порой схоже с поведением избалованного ребенка. Испанский автор отмечает, что складывание такого типа человека во многом связано с процессами урбанизации, когда на фоне активного роста уровня жизни происходит скопление огромного количества людей в пространстве городов. В результате возникает в некотором смысле неблагодарное восприятие гражданами того, что может предоставить им государство: «Человек массы живет за счет того, что он отрицает, а другие создавали и копили» [Ортега-и-Гассет, 1997], – как известно, наиболее тяжкие последствия социально-политической дестабилизации пришлось на страны с достаточно высокими темпами экономического роста.

По общему правилу, понятие массовой политики оказывается связанным с активным включением в политический процесс народных масс, объединенных той или иной идеологией, в целом отличающейся от общепринятой в конкретном обществе и в конкретный исторический период. Примерами могут служить движения за избирательные права или даже (по степени вовлечения людей) протестантская Реформация [см.: Cameron, 1991].

Видимо, в случае «арабской весны» данное понятие обретает дополнительные характеристики, в частности, идеологическая проработанность или обязательное наличие харизматического лидерства уже перестают быть залогом успешной мобилизации. Впрочем, решающую роль по-прежнему играет формирование политических партий либо выдвижение вперед политических сил, способных, как это было в случае «Братьев-мусульман» в арабских странах, взять стихийную ситуацию социально-политической дестабилизации под свой контроль, обеспечить переход от стихийной политики масс к институционализированной массовой политике.

Список литературы

- Давыдов А.А.* Арабские революции 2011 г.: системная диагностика // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 г. / Ред. А.В. Коротаев, Ю.В. Зинькина, А.С. Ходунов. – М.: ЛКИ, 2012. – С. 175–176.
- Зеленев Е.И.* Смута? Анархия? Революция? Арабская политическая культура на пути... в будущее? // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы / Отв. ред. Следзевский И.В., Саватеев А.В. – М.: Либроком, 2012. – С. 57–62.
- Исаев Л.М., Шишкина А.Р.* Сирия и Йемен: неоконченные революции. – 2 изд. – М.: Либроком, 2014. – 264 с.
- Ловушка на выходе из ловушки. Логические и математические модели / Коротаев А.В., Божевольнов Ю.В., Гринин Л.Е., Зинькина Ю.В., Малков С.Ю. // Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы / Ред. А.А. Акаев, А.В. Коротаев, Г.Г. Малинецкий, С.Ю. Малков. – М.: Кранд / URSS, 2011. – С. 138–164.
- Коротаев А.В., Исаев Л.М.* Формирование «афразийской» зоны нестабильности // Арабский кризис и его международные последствия / Отв. ред.: А.Д. Саватеев, Л.М. Исаев. – М.: УРСС, 2014. – С. 182–204.
- Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 г. / Ред. А.В. Коротаев, Ю.В. Зинькина, А.С. Ходунов. – М.: ЛКИ, 2012. – 464 с.
- Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. – М.: Весь мир, 1997. – С. 43–164.
- Труевцев К.М.* Год 2011 – новая демократическая волна?: препринт WP14/2011/05 / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом «Высшей школы экономики», 2011. – 28 с.
- Цирель С.В.* Революции, волны революций и Арабская весна // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 г. / Под ред. А.В. Коротаева, Ю.В. Зинькиной, А.С. Ходунова. – М.: ЛКИ, 2012. – с. 141–162.
- Шарп Д.* От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения. – М.: Новое издательство, 2005. – 84 с.
- Шишкина А.Р., Исаев Л.М.* Арабский мир в цифровую эпоху. Социальные медиа как форма политической активности. – М.: Ленанд, 2014. – 128 с.
- Vakr N.* Lack for tolerances and the Arab revolutions. – Lebanon: The Arab Net Work for Tolerance, 2011.
- Cameron E.* The European Reformation. – N.Y.: Oxford univ. press, 1991. – xiv, 564 p.
- Fisher H.J.* Text-centred research: fitna as a case study and a way forward for guests in the house of African historiography // Sudanic Africa. – Bergen, 1994. – Vol. 5. – P. 225–260.
- Ghonim W.* Revolution 2.0. – N.Y.: Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, 2012. – xii, 308 p.
- Goldstone J.* Revolution and rebellion in the early modern world. – Berkeley: Univ. of California press, 1991. – xxix, 608 p.

- Goldstone J.* Population and security: How demographic change can lead to violent conflict // *Journal of international affairs*. – N.Y., 2002. – Vol. 56, N 1. – P. 3–22.
- Howard P., Hussain M.* The role of digital media // *Journal of democracy*. – Baltimore, 2011. – Vol. 22, N 3. – P. 35–48.
- Howard P.N., Parks M.R.* Social media and political change: Capacity, constraint, and consequence // *Journal of communication*. – N.Y., 2012. – Vol. 62. – P. 359–362.
- Langman L., Morris D.* Internet mediation: A theory of alternative globalization movements // *Proceedings of the 1 st international workshop on community informatics*, Montreal, Canada, October 8, 2002. – Mode of access: <http://is.njit.edu/vci/iwci1/morris-internet-mediation.doc> (Дата посещения: 1.09.2014.)
- Said E.W.* *Orientalism*. – N.Y.: Vintage, 1994. – xxx, 394 p.
- Samad A.Z.* Civil Society in the Arab region: Its necessary role and the obstacles to fulfillment // *International journal of not-for-profit law*. – Washington, D.C., 2007. – Vol. 9, N 2. – P. 3–24.
- Sharp G.* *From dictatorship to democracy: A conceptual framework for liberation*. – Boston: The Albert Einstein Institution, 2010. – x, 93 p.
- Tufekci Z.* Capabilities of movements and affordances of digital media: Paradoxes of Empowerment. – б. г. – Mode of access: [_http://dmlcentral.net/blog/zeynep-tufekci/capabilities-movements-and-affordances-digital-media-paradoxes-empowerment](http://dmlcentral.net/blog/zeynep-tufekci/capabilities-movements-and-affordances-digital-media-paradoxes-empowerment) (Дата посещения: 1.09.2014.)
- Wansbrough J.* *The sectarian milieu: Content and composition of Islamic salvation history*. – Oxford: Oxford univ. press, 1978. – xxii, 157 p.